

«НА СЦЕНЕ — МОЕ СЕРДЦЕ»

VII Всесоюзный фестиваль телевизионных фильмов завершил свою работу. Известны имена победителей, вручены награды, но встречи с героями конкурсных лент, происходившие каждый день в течение недели на телеэкране, еще долго будут волновать наши умы.

Несомненно, запомнился зрителям и матрос Швандя из видеофильма «Любовь Яровая» по пьесе К. Тренева, получившего Большой приз. Корреспондент «ВЛ» попросил популярного актера Московского театра на Таганке В. Золотухина, сыгравшего эту роль, ответить на несколько вопросов.

РАССКАЗЫВАЮТ МАСТЕРА ИСКУССТВ

— Кино- и телезрителям вы известны как исполнитель ролей наших современников. Роль Шванди — первая из репертуара советской классической драматургии. Что принесла вам работа над ней?

— Огромное удовлетворение. До меня было два экранных воплощения образа этого героя (не говорю уже о театральных). Сыграть Швандю после Олега Горбачева, после Кирилла Лаврова невероятно трудно. Ведь у зрителя есть устоявшееся представление о внешнем и внутреннем облике этого героя. Швандю мне хотелось сыграть давно, но не такого, каким привыкли видеть его на сцене и на экране. Поэтому мы и пошли с режиссером, как говорится, от противного. Мой Швандя — далеко не богатырь, он и ростом невелик, и шупловат на вид, но при всем этом — герой, преданный делу революции, готовый сложить голову за ее идеалы. У драматурга образ матроса — глубоко народный, мы старались подчеркнуть это. Новая экранизация приурочена к 60-летию Великого Октября. Поэтому хотелось особенно заострить внимание на тех духовных изменениях, что произошли в обычном крестьянине, каким в сущности является Швандя, вступивший на трудный, но доблестный путь борьбы за народное дело. Революция подняла его духовно, изменила представление о самом себе, облагородила, что ли. И хотя он остался балагуром и удалцем, лихость его переросла в бесстрашие. Мой Швандя все время стремился казаться как бы выше ростом, без конца высовываясь из своей долгополой шинели, — у него появились гордость, чувство собственного достоинства.

— Вы много снимаетесь в кино, есть теперь опыт участия и в телевизионных фильмах. Находите ли какие-нибудь различия в работе актера на телестудии и в кинематографе?

— Различия, бесспорно, есть. В телевизионном фильме сниматься, мне кажется, сложнее, потому что игра идет как бы «вслепую». Тебя заняли, положили, в одной сцене, и ты чувствуешь игру только тех актеров, которые выступают в ней вместе с тобой. Как ведут себя партнеры в других эпизодах — практически не знаешь. От одного непродуманного жеста или неверно взятого тона может нарушиться в итоге весь актерский ансамбль. В кино же при повторном озвучивании легко исправить подобные ошибки: там смотришь смонтированный фильм и легко находишь нужную интонацию.

Мне кажется, моральная ответственность актера, принимающего участие в телевизионном фильме, очень высока. Одновременно ленту смотрит многомиллионная аудитория — завтра можно проснуться знаменитым или, наоборот, потерять свою актерскую репутацию. Поэтому играть здесь нужно, не жалея ни сил, ни таланта. И еще меня всегда волнует, как отнесутся к моему творчеству земляки, мои родители, живущие в Сибири. Новые кинокартины туда доходят не скоро, а вот премьеру телефильма они смотрят одновременно со мной. Близкие люди — самые строгие мои судьи.

— Что вы хотели бы пожелать себе в творческой судьбе?

— Побольше «неожиданных» ролей. До сих пор мои кинематографические образы были несколько одноплановы. Эдакий «рубашка-парень с гармошкой», в меру умный, в меру веселый. Поэтому и закрепился за мною определенный стереотип, наверное, относящийся к внешним актерским данным. В Театре на Таганке у меня большее разнообразие в репертуаре: Воднос в «Добром человеке из Сезуана» Б. Брехта, Маяковский в «Послушайте!», Андрей Находка в спектакле «Мать» по М. Горькому. Но опять-таки все это где-то близко моему экранному амплуа. «Коль носишь кепку, не напяливай на себя шляпу!» — говорил отец, имея в виду мой актерский типаж. Но при всем уважении к родителю хочется «напялить шляпу». Хочется сыграть истинно драматическую, глубинную в своем психологизме роль.

Некоторые шаги предприняты в этом плане на телевидении. Роль дяди Саши, старого солдата, у которого война отобрала все, кроме самой жизни, сыгранная в телевизионном фильме «На всю оставшуюся жизнь», — наиболее близка по духу.

Когда кончилась война, мне было четыре года. Но она оставила глубокий след в жизни моих родных, близких. Довелось мне встречать в наших краях и людей с судьбами, похожими на судьбу дяди Саши. Какие-то черточки их внешнего облика, характера и постарался придать своему герою.

Образ Яшки Турка из телефильма «Жизнь и смерть дворянина Чертопаново», выразившего всю свою многострадальную, сильную и прекрасную душу в песне, — трагичен по своей сути. Именно своей народностью, широтой души,

своей русской чуждой привлек меня тургеневский герой. Русский человек любит петь. Когда поет мой отец, тоже крестьянин по происхождению, он становится раскованнее, свободнее в движениях. Своего Яшку во время пения я сделал таким же непосредственным.

Моя мечта — роль Федора Протасова в «Живом труп» Толстого. Надеюсь сыграть когда-нибудь Гамлета, Дон-Кихота. Сейчас снимаюсь на «Ленфильме» в роли Саньки Журавлева в альманахе по рассказам В. Шукшина.

— Без чего вы не смогли бы прожить — без кино, телевидения или театра?

— Думаю, что все-таки без театра. Люблю необычайно насыщенную, творческую атмосферу съемок, люблю новые города и новых людей, но сердце мое — в театре. Это началось давно — на маленькой клубной сцене в далекой сибирской деревне, где в пятилетнем возрасте начинала свою «артистическую» карьеру. В театре меня привлекает прежде всего возможность общения со зрителем, чувство сопереживания, которое сопутствует актерской игре. Каждый вечер в зале — новый зритель, поэтому в каждом спектакле я как бы заново «проживаю» свою роль, прибавляю к ней что-то новое, обогащающее и дополняющее образ, или, наоборот, что-то убираю.

Сила театрального искусства в условности, метафоричности, происходящего. Причем это в равной степени влияет и на зрителя, и на актера. Настоящее искусство приходит тогда, когда косишь на сцене нереальной косой траву, которой нет, и чувствуешь на ладонях настоящие мозоли. Как это было со мной, например, в спектакле «Из жизни Федора Кузькина». Именно в театре впервые мне довелось пережить великое чувство перевоплощения, поэтому у его вечный должник.

Но кино и телевидение также стали неотъемлемой частью моей актерской судьбы. На сцене в спектакле «10 дней, которые потрясли мир» я сыграл двух персонажей — революционного матроса и крестьянина, пришедшего к Ленину, чтобы разобраться в том, что же несет с собой революция. В телефильмах «Бумбараш» и «Пакет» — комсомольцев, сражавшихся за народное дело, в «Весне 29-го» — бывшего моряка Гая, которого партия послала руководить строительством тракторного завода. Все эти герои одинаково дороги мне потому, что в их судьбах — биография моей страны.